

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

СУМАСШЕДШЕЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

«Век джаза» немыслим без Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Крупнейший представитель «потерянного поколения», ярче и беспристрастней которого вряд ли кто отразил безумную жизнь Америки 20-х годов, и сам был плотью от плоти той легендарной эпохи, его имя не сходило с уст современников и из сводок светских хроник.

«Всё его детство прошло в попытках понять, где подлинная жизнь, а где игра, или хотя бы не слишком в этом путаться...»

Френсис Фицджеральд

**Сумасшедшее
воскресенье (сборник)**

«ЭКСМО»
1922, 1932

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Фицджеральд Ф. С.

Сумасшедшее воскресенье (сборник) /
Ф. С. Фицджеральд — «Эксмо», 1922, 1932

ISBN 978-5-699-95067-6

«Век джаза» немыслим без Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Писатель, ярче и беспристрастней которого вряд ли кто отразил безумную жизнь Америки 20-х годов, и сам был плотью от плоти той легендарной эпохи, его имя не сходило с уст современников и из сводок светских хроник. В сборник вошли произведения «Алмазная гора», «Сумасшедшее воскресенье», «Семья на ветру».

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-95067-6

© Фицджеральд Ф. С., 1922, 1932
© Эксмо, 1922, 1932

Содержание

Алмазная гора	6
I	6
II	8
III	12
IV	13
V	15
VI	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Сумасшедшее воскресенье (сборник)

В оформлении обложки использованы иллюстрации художников Clarence Coles Phillips (1880–1927) и George Barbier (1882–1932).

Иллюстрация на 1-й странице обложки: Jovanovic Dejan / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© М. Литвинова, перевод, 2017

© В. Муравьев, перевод. Наследники, 2017

© И. Архангельская, перевод. Наследники, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Алмазная гора

I

Род Джона Т. Ангера был на отменном счету в Геенне – есть такой городок на Миссисипи. Отец Джона из года в год в жарких боях завоевывал первенство по гольфу среди любителей; миссис Ангер славилась, по местному выражению, «на все котлы и сковороды» своим зажигательным предвыборным красноречием; самому Джону Т. Ангеру едва исполнилось шестнадцать, однако новейшие нью-йоркские танцы он откалывал еще в коротких штанишках. И вот теперь ему предстояло на какое-то время расстаться с родным домом. Вся провинция, как известно, донельзя чтит учебные заведения Новой Англии: на алтарь этого почтения провинциалы приносят цвет своей молодежи, и родители Джона не остались в стороне. Непременно надо было, чтобы он отправился в колледж Святого Мидаса близ Бостона – не прозябать же их драгоценному и одаренному сыну в Геенне!

А в Геенне – кто бывал там, тот знает – фешенебельные закрытые школы и колледжи едва различают по названиям. Местные жители давным-давно отстали от мира сего и хоть и очень стараются поспеть за модой, но живут большей частью понаслышке. Чикагской ветчинной принцессе их одежда, манеры и литературные вкусы, конечно, покажутся «как-то слегка прошлогодними».

Джон Т. Ангер был готов к отъезду, Миссис Ангер по-матерински набила его чемоданы летними костюмами и вентиляторами, а мистер Ангер презентовал сыну туго набитый асбестовый бумажник.

– Помни, здесь тебе всегда будут рады, – сказал он. – Семейный очаг не остынет, будь уверен, мальчик.

– Я знаю, – сглотнул комок Джон.

– И не забывай, кто ты и откуда родом, – горделиво добавил отец, – это уберезет тебя от неверных поступков. Ты – Ангер из Геенны.

Родитель и сын пожали друг другу руки, и Джон пустился в путь, обливаясь слезами. Через десять минут, покидая пределы города, он остановился и обернулся на прощанье. Старинная, викторианская надпись над воротами была ему чем-то отрадна. Отец все время предлагал сменить ее на что-нибудь бодрое и доходчивое, скажем: «Вот вы и в Геенне» или просто на «Добро пожаловать», а пониже выложить лампочками сердечное рукопожатие. Мистер Ангер считал, что старая надпись какая-то мрачноватая, но вот поди ж ты...

Джон поглядел – и обратился навстречу судьбе. И небесный отсвет оставленных позади огней Геенны был, казалось, исполнен теплой и яркой прелести.

От Бостона до колледжа Святого Мидаса полчаса на «Роллс-Ройсе». Сколько в милях – навеки останется тайной, ибо, кроме Джона Т. Ангера, никто не приезжал туда иначе, как на «Роллс-Ройсе», да, пожалуй, никто и не приедет. Это колледж для избранных – самый дорогой колледж в мире.

Первые два года прошли очень приятно. Джон учился с отпрысками денежных тузов и в каникулы гостил на модных курортах. Его гостеприимные сверстники ему вполне нравились, но отцы их были все на один покрой; по молодости лет он часто дивился их поразительной неразличимости. Когда он говорил, откуда он, они неизменно шутили: «Ну и как у вас там, припекает?» – а Джон по мере сил улыбался и отвечал: «Да не без того». Он бы, может, и сказал что-нибудь подходящее, но уж очень они все одинаково шутили, разве что

кто-нибудь спрашивал иначе: «Ну и как вам там, не холодно?» – отчего у него опять-таки с души воротило.

К концу третьего семестра среди одноклассников Джона появился тихий, изящный юноша по имени Перси Вашингтон. Новичок был приветлив в обращении и на редкость хорошо одет – даже в колледже Святого Мидаса это бросалось в глаза, – но держался как-то особняком. Близко он сошелся только с Джоном Т. Ангером, но и с ним отнюдь не откровенничал насчет дома и семьи. Ясно было, что он из богатых, и все такое, но вообще-то Джон почти ничего не знал о своем приятеле, и любопытство его прямо-таки разыграло, когда Перси пригласил его на лето к себе, «на Запад». Он не заставил себя упрашивать.

И только в поезде Перси впервые немного разговорился. Однажды, когда они обедали в вагоне-ресторане и язвительно обсуждали однокашников, Перси вдруг заметил совсем новым тоном:

– Мой отец намного богаче всех в мире.

– А-а, – вежливо отозвался Джон. Непонятно было, что бы еще сказать на такое признание. «Это замечательно» – не прозвучит, и он чуть было не сказал: «В самом деле?» – но вовремя спохватился: вышло бы, что он сомневается в словах Перси. А в таких поразительных словах сомневаться, пожалуй, не следовало.

– Намного богаче, – повторил Перси.

– Помню, я читал в справочнике, – решил Джон, – что в Америке есть один человек с годовым доходом пять миллионов и четверо, у кого свыше трех миллионов...

– Тоже мне богачи. – Перси брезгливо скривил рот. – Крохоборы-капиталистики, банкиришки, торгаши и ростовщики. Отец мой их всех скупит и сам того не заметит.

– Почему же тогда...

– Почему его нет в справочнике? Да потому, что он не платит подоходного налога. Платит какие-то там гроши, но не с дохода, а так.

– Вот уж, наверно, богатый человек, – простодушно заметил Джон. – И прекрасно. Я как раз люблю очень богатых. Чем богаче, тем лучше – по-моему, так. – Его смуглое лицо сияло искренностью. – Прошлую Пасху я гостил у Шнитцлеров-Мэрфи. И у Вивьен Шнитцлер-Мэрфи были рубины с куриное яйцо и такие лучистые сапфиры, как фонарики...

– Камни – это да, – восторженно поддержал Перси. – Конечно, в колледже об этом никому знать не надо, но у меня у самого есть неплохая коллекция. Камни собирать интереснее, чем марки.

– А какие алмазы бывают, – мечтательно продолжал Джон. – У Шнитцлеров-Мэрфи были алмазы с грецкой...

– Дребедень. – Перси склонился к приятелю и глухо зашептал: – Побрякушки. У моего отца алмаз – побольше, чем отель «Риц-Карлтон».

II

Закат в горах Монтаны сгустился между двумя вершинами, как громадный синяк, и темные вены расплзлись от него по изувеченному небу. Небо отпрянуло в горную высь от деревушки Саваоф – крохотной, унылой, безвестной. По слухам, там жило двенадцать человек, двенадцать темных и загадочных душ, извлекавших пропитание из голого, почти совсем голого камня, на котором они произросли, неведомо как и почему. Они стали особой породой, эти двенадцать саваофцев, как будто природа сперва расщедрилась на новую тварь, а потом опомнилась и оставила их копошиться и гибнуть.

Из далекого иссиня-черного сгустка в скалистую пустошь выползла цепочка огней, и двенадцать саваофцев возникли, как призраки у станционного сарайчика, навстречу семичасовому трансконтинентальному экспрессу из Чикаго. Примерно шесть раз в год трансконтинентальный экспресс, повинувшись непостижимому расписанию, останавливался у платформы Саваоф, и кто-то сходил с поезда, садился в коляску, поданную из сумерек, и исчезал во тьме закатного синяка. Саваофцы глазели на это нелепое и диковинное происшествие, словно соблюдали некий обряд. Глазели, и только: в них не было ни капли того одушевленного воображения, которое побуждает любопытствовать и размышлять, а то бы вокруг этих таинственных событий народилась своя религия. Но саваофцы жили помимо всякой религии: самые дикие и простые христианские верования и те не прижились бы на этой скале. У них не было ни алтаря, ни жреца, ни жертвоприношений; просто народ каждый день к семи вечера стекался к станционному сараю и возносил взамен молитвы смутное и вялое изумление.

В этот июньский вечер Главный Кондуктор, которого саваофцы считали бы богом, если б бог им был нужен, повелел, дабы семичасовой поезд сгрузил людей (или нелюдь) в Саваофе. В две минуты восьмого Перси Вашингтон и Джон Т. Ангер сошли с подножки, промелькнули перед замороженными, распахнутыми, испуганными глазами двенадцати мужчин, уселись в коляску, которая явилась ниоткуда, и уехали.

Через полчаса, когда полумрак сгустился дотемна, молчаливый кучер-негр окликнул что-то черное впереди. На окрик вспыхнул рдяный диск, словно воспаленный глаз злобно уставился из непроглядной тьмы. Они подъехали ближе, и Джон понял, что это задний фонарь автомобиля, громадного и роскошного. Металл его корпуса отливал никелем и отблескивал серебром; втулки искрились зелено-желтым геометрическим узором – бисерным, а может, и самоцветным, – Джон не рискнул гадать.

Два негра в расшитых ливреях, как с картины лондонской королевской процессии, стояли навтыжку у автомобиля и приветствовали молодых людей, вылезших из коляски, на языке, непонятном гостю, но похожем на исконное негритянское наречие Юга.

– Садись, – сказал Перси приятелю, когда их чемоданы забросили на эбеновую крышу лимузина. – Жаль, что пришлось тебя слегка протрясти, но сам понимаешь – куда ж с таким автомобилем на глаза пассажирам или этому несчастному саваофскому отребью.

– Ух ты! Ну и авто! – вырвалось у Джона при виде внутреннего убранства автомобиля. Его взгляду предстала парчовая обивка, сплошь затканная тонкими шелковыми узорами, вся в крапинках драгоценных камней.

Приятель развалился в кресельных сиденьях, пышный ворс которых переливался всеми оттенками страусиного пера.

– Ну и авто! – повторил изумленный Джон.

– Колымага-то? – рассмеялся Перси. – Да это старая рухлядь, она у нас для поездок на станцию.

Тем временем автомобиль мчался в темноте по направлению к перевалу.

– Через полтора часа будем на месте, – сказал Перси, взглянув на часы. – Кстати уж скажу тебе, что ничего подобного ты в жизни не видел.

Если и все прочее было под стать автомобилю, то Джона в самом деле ожидало необычайное. В Геенне простодушно и благочестиво преклонялись перед богатством с пеленок, всей душою чтили его, и не дай бог Джон нарушил бы эту заповедь умиления – родители отrekliсь бы от него, не стерпев такого кощунства.

Они достигли ущелья, углубились в него, и дорога почти сразу стала ухабиистой.

– Если б сюда пробивалась луна, посмотрел бы ты, какое ущелье, – сказал Перси, щурясь в темное окошко. Он что-то приказал в микрофон, и лакей тут же включил прожектор, мощным лучом хлестнувший по горным склонам.

– Видишь, кругом осыпи. Обычный мотор разнесло бы на куски в полчаса. Не зная дороги, здесь и на танке-то едва проберешься. Вот заметь, вверх пошло.

Чувствовалось, что они едут в гору. Через минуту-другую автомобиль вынырнул у гребня, и вдали мелькнула бледная, юная луна. Внезапно они остановились, и вокруг возникли из темноты какие-то фигуры – снова негры. Молодых людей приветствовали все на том же полувнятном наречии; затем негры принялись за работу и зацепили крючья четырех гигантских тросов, свисавших откуда-то сверху, за ступицы огромных самоцветных колес. Раздалось «Э-гей!» – и Джон ощутил, как автомобиль медленно оторвался от земли и взмыл ввысь – над самыми высокими скалами с обеих сторон, и еще выше, и под ними открылась лунная долина, такая непохожая на покинутое кремнистое крутогорье. Справа высилась скала – а потом и ее не стало, кругом было чистое небо.

Очевидно, они перенеслись за каменное лезвие высокого горного отрога и все еще поднимались. И тут же стали спускаться и наконец, подпрыгнув, приземлились на равнине.

– Остальное пустыки, – сказал Перси, глянув в окно. – Отсюда всего пять миль, и дорога наша собственная – брусчатка – до самого дома. Как говорит отец, здесь Соединенные Штаты кончаются.

– Мы разве в Канаде?

– Нет, зачем же. Мы в Монтане, в Скалистых горах. Только вот этих пяти квадратных миль нет ни на одной карте.

– А почему? Пропустили?

– Да нет, – усмехнулся Перси, – три раза нас пробовали засечь. Первый раз мой дед подкупил все геодезическое управление; другой раз ему удалось подправить официальную карту – и пятнадцать лет никто не совался. Зато в последний раз была суцая морока. Отец мой соорудил сильнейшее искусственное магнитное поле, чтобы отклонить их компасы. Он изготовил целую партию геодезических приборов с изъяном, таких, чтоб пропускали это место, и подменил точные. Еще он отвел реку, и на берегу сделали кой-какие постройки – чтоб казалось, будто это городок в долине от нас за десять миль. В общем, отец мой только одного боится, – закончил он, – одна только и есть для нас опасность в мире.

– Какая?

Перси перешел на шепот.

– Аэропланы, – вздохнул он. – У нас есть с полдюжины зениток, и пока справляемся – правда, несколько убитых и много пленных. Мы-то с отцом понимаем, что это в порядке вещей, а мама с девочками огорчаются. Но в другой раз все может обернуться не так благополучно.

Зеленая луна сияла из-за мохнатых облаков, которые стелились перед нею в изумрудном небе, словно драгоценные восточные ткани пред очами татарского хана. Джону померещилось, что сейчас день и что он видит в небе авиаторов, сыплющих с борта назидательные брошюры и лекарственные рекламки, обнадеживая унылое деревенское захолустье. Ему показалось, будто они парят и вглядываются – разглядывают то, что он сейчас увидит, –

а потом? А потом их как-нибудь хитростью заманивают на землю и держат до окончания дней в заточении: ни тебе лекарств, ни брошюрок. Или, если заманить не удастся, откуда-то вылетает клуб дыма, рвется снаряд, аэроплан обрушивается наземь, а мать и сестры Перси «огорчаются»? Джон встряхнул головой, и глухой смешок сорвался с его губ. Какие за всем этим кроются жестокости? Как властвует этот странный Крез? Что это за жуткая, вызолоченная тайна?..

Шерстистые облака уплыли, и горная ночь была яснее дня. Огромные шины катили по ровной брусчатке; дорога обогнула тихое, залитое луной озеро и углубилась в прохладный, смолистый мрак сосновой рощицы; затем вывела на луг, и Джон вскрикнул от восторга, а Перси коротко заметил: «Приехали».

Осиянный звездным светом, на берегу озера стоял дивный дворец в полвысоты горы, к которой он прильнул во всей своей мраморной прелести, ровно и мягко врисовываясь в густой нагорный сосняк. Бесчисленные башенки, ажурные кружева косых балюстрад, узорная прорезь тысячи треугольных, квадратных, шестиугольных окон, излучавших золотистый свет, зыбкое смешенье синих теневых полос со звездными струями – все это отдалось трепетным аккордом в душе Джона. Верхушка одной из башен, самой высокой и исчерна-темной снизу, была увенчана сказочным сонмом огней, и когда Джон возвел к ним очарованный взгляд, до земли донеслось томное пение скрипок: таких изнеженных созвучий он никогда еще не слышал. Автомобиль остановился перед просторным и длинным мраморным сходом, овеванным ароматами цветов. За верхней ступенью бесшумно распахнулись стрельчатые двери, и в ночь хлынул янтарный свет, озаривший великолепный силуэт темноволосой дамы с высокой прической. Она простерла к ним руки.

– Мама, – произнес Перси, – это мой друг, Джон Ангер из Геенны.

В памяти Джона этот первый вечер остался сумятицей красок, мгновенных впечатлений, музыки, нежной, как любовное признание; чарующим хороводом бликов и теней, мельканьем движений и лиц. Вспоминался статный седой мужчина, подносящий к губам хрустальный на золотой ножке фиал с многоцветным питьем. Вспоминалась девушка в одеянии феи, с лилейным личиком, с сапфирами в волосах. Вспоминался пышный покой, где плотные, золотые стены уступали легкому нажатию руки; и покой, подобный платоновскому «узилищу идей» – сверху донизу устланный сплошным алмазным слоем, бриллиантами всех форм и размеров: с фиолетовыми светильниками по углам, он слепил белизной, ни с чем не сравнимой, превыше человеческих помыслов и мечтаний.

Приятели брели чередой покоев. Под ногами у них вспыхивали узоры: то буйная цветочная смесь, то пастельные разводы, то белоснежная глубина, то мозаичные арабески, наверно, скопированные в какой-нибудь адриатической мечети. Под толстым хрустальным настилом расходились сине-зеленые струи, а в них, между радужными сгустками водорослей, мелькали пестрые рыбы. Они шагали по разноцветным и разнообразным мехам, шли по коридорам, выложенным от пола до потолка чистейшей слоновой костью, сплошной, словно из гигантских бивней динозавров, вымерших задолго до появления человека...

Потом они как-то вдруг оказались за столом – и тарелки были цельнобриллиантовые, в два тончайших слоя с прокладкой изумрудной филиграни, будто вырезанные из воздуха. Коридоры источали тихую тягучую музыку – и пуховое кресло, слитое с его спиной, не жило и дурманило его, а он пил свой первый стакан портвейна. Сквозь дрему он пытался ответить на чей-то вопрос – но липучая медвяная нега была поволокой сна: камни, ткани, вина, золото – все расплывалось у него в глазах сладостным туманом...

– Да, – отозвался он из последних сил, – да, там у нас, конечно, припекает.

Он даже чуть подхихикнул; а потом, не шелохнувшись и не противясь, словно бы отплыл от стола и от мороженого, алого, как сон... Он уснул.

Он открыл глаза и почувствовал, что проспал несколько часов. Он был в большой тихой комнате с агатовыми панелями и тусклой подсветкой, такой слабой, такой мягкой... Его юный хозяин стоял над ним.

– Ты уснул за обедом, – сказал Перси. – Я и сам чуть не уснул, так было приятно слегка отдохнуть в нормальной обстановке после года в колледже. Пока ты спал, слуги тебя раздели и выкупали.

– Я в постели или на облаке? – выговорил Джон. – Перси, Перси, не уходи, мне надо извиниться перед тобой.

– За что?

– Что я не поверил тебе про алмаз больше отеля «Риц».

Перси улыбнулся.

– Я так и думал, что ты не согласишься. Это ведь гора.

– Какая гора?

– Возле которой дворец. Она не так уж и велика. Но земли и камня на ней всего футов пятьдесят, а остальное – алмаз. Сплошной алмаз чистой воды, цельная кубическая миля. Ты слушаешь? Скажи...

Но Джон Т. Ангер снова уснул.

III

Настало утро. Просыпаясь, он ощутил, как спальня сразу наполнилась солнцем. Эбеновые панели раздвинулись, и дневной свет хлынул во всю стену. Огромный негр в белой ливрее стоял у его постели.

– Добрый вечер, – пробормотал Джон, силясь очнуться от сонной одури.

– Доброе утро, сэр. Примете ванну, сэр? Нет, не вставайте, я сейчас все сделаю, только будьте добры, расстегните пижаму – вот так. Благодарю вас, сэр.

С покорного Джона совлекли пижаму. Ему было забавно и приятно, он ожидал оказаться на руках у этого услужливого черного Гаргантюа, но не тут-то было; ложе его медленно накренилось, и он, слегка оторопев, покатился к стене: обивка раздалась, он проскользил два ярда по бархатистому скосу и погрузился в упоительно теплую воду.

Он огляделся. Спуск или скат, по которому он соскользнул, свернулся в трубку и исчез. Он был в другой комнате и сидел по горло в бассейне, голова над краем. Его окружал синий аквариум: за стенами комнаты и под бассейном в янтарных лучах резвились рыбы, спокойно проплывая возле его ног, отделенных лишь слоем хрусталя. Солнечный свет пробивался сверху сквозь сине-зеленое стекло.

– Полагаю, сэр, что нынче утром вам для начала будет в самый раз горячая розовая вода с мыльной пеной – а потом, пожалуй, холодная морская.

Это над ним склонился негр.

– Да, – нелепо ухмыльнувшись, согласился Джон, – вот именно.

Не с его жалкими и неприятными привычками распорядиться таким купаньем – это было бы по меньшей мере самонадеянно, а то и попросту бессовестно.

Негр нажал кнопку, и сверху хлынул теплый ливень; Джон сразу сообразил, что это забил фонтанчик у края бассейна. Вода стала бледно-розовой, из четырех моржовых рылец по углам брызнули мыльные струи. Дюжина маленьких бортовых вертушек в минуту взбила облако сверкающей радужно-розовой пены, которая нежно окутала его, блистая и пузырясь.

– Может, запустить синема, сэр? – почтительно предложил негр. – В аппарат нынче заряжена хорошая смешная лента, а желаете, я сейчас заменю на серьезную.

– Нет, спасибо, – вежливо, но твердо отозвался Джон. Слишком приятна была ему ванна, и отвлекаться не стоило. Но отвлечься все-таки пришлось. Через мгновение его слух заполнился совсем близким мелодическим журчаньем флейт, прохладно-зеленоватым, как сама ванная, и мелодию их вело пузырячатое пикколо, ажурное, словно мыльное кружево, ласково облекавшее его.

Взбодренный прохладной морской водой и холодным пресным душем, он вылез из бассейна, был укутан в мохнатый халат, уложен на пушистую кушетку и растерт маслом, спиртом и ароматами. Переместившись в уютное кресло, он был побрит и подстрижен.

– Мистер Перси ждет вас в гостиной, – сообщил негр, закончив процедуры. – Меня зовут Джигзэм, мистер Ангер, сэр. Я буду прислуживать мистеру Ангеру по утрам.

И Джон вышел в солнечную гостиную, где был накрыт завтрак, и Перси, в ослепительно-белых лайковых бриджах, курил, откинувшись в кресле.

IV

За завтраком Перси вкратце поведал Джону историю семьи Вашингтон.

Отец нынешнего главы семьи, прямой потомок Джорджа Вашингтона и лорда Балтимора, был родом из Виргинии. К концу Гражданской войны ему исполнилось двадцать пять; он имел чин полковника, опустошенную плантацию и тысячу долларов золотом.

Фитцнорман Калпеппер Вашингтон – так звался молодой полковник – решил оставить недвижимость в Виргинии младшему брату и податься на Запад. Он отобрал две дюжины негров – разумеется, преданных ему до обожания, – и купил двадцать пять железнодорожных билетов; от имени негров можно было наарендовать земли и заняться скотоводством.

В Монтане он поистратился за месяц, и дела пошли совсем скверно; тут-то все и случилось. Он поехал в горы, заблудился, остался без еды и проголодал день. Ружья при нем не было, и в погоне за белкой он заметил, что та держит в зубах что-то блестящее. Белке не было суждено утолить собой его голод: она скрылась в дупло, но обронила свою ношу. Фитцнорман присел в печальном раздумье и заметил рядом в траве какое-то мерцание. За десять секунд аппетит его пропал, а капитал возрос до ста тысяч долларов. Белка, никак не желавшая попасть к нему в желудок, одарила его зато крупным бриллиантом чистой воды.

Ближе к ночи он отыскал свой лагерь; еще через полсуток все мужчины-негры вгрызались в гору возле беличьего дупла. Он сказал им, что напал на жилу горного хрусталя. Вряд ли хоть двоим из них случалось видеть алмазы – и то маленькие, – и ему поверили без лишних слов. Когда он понял, на что наткнулся, начались затруднения. Гора оказалась алмазом – цельным, сплошным алмазом. Он набил сверкающими образчиками четыре седельные сумки и поскакал в Сент-Пол. Там он сбыл с рук полдюжины мелких камней, а когда вытащил один побольше, скупщик упал в обморок, и Фитцнормана арестовали как нарушителя общественного спокойствия. Он сбежал из тюрьмы и добрался поездом до Нью-Йорка, где продал несколько алмазов средней величины примерно за двести тысяч долларов золотом. Крупные он не рискнул показывать – и покинул Нью-Йорк как раз вовремя. Среди ювелиров началось страшное волнение – не оттого, что бриллианты были крупные, а потому, что они появились неизвестно откуда. Поползли дикие слухи, будто в Кэтскильских горах, в Нью-Джерси, на Лонг-Айленде, под Вашингтон-сквер обнаружили алмазные залежи. Из Нью-Йорка что ни час отбывали специальные поезда: люди с кирками и совками разыскивали окрестные Эльдorado. Но к этому времени Фитцнорман уже катил назад в Монтану.

Прошло еще две недели, и он подсчитал, что все мировые алмазные копи, вместе взятые, вряд ли сравнятся с его горой. И в точности оценить ее было невозможно: ведь это *цельный* алмаз, и если так и пустить его на продажу, то он не только задавит рынок – в мире просто не хватит золота, чтобы купить его десятую часть. Да и кому нужен такой невероятный бриллиант?

Странная выходила история. Богаче его человека никогда и нигде не было – но чего стоит все его богатство? Если его тайна раскроется – почем знать, что сделает государство, чтобы избежать золотой и бриллиантовой лихорадки? Скорее всего, его собственность реквизируют и установят монополию.

Оставалось только одно – распродавать гору втайне. Он вызвал с Юга младшего брата и препоручил ему черных – тем было невдомек, что рабство упразднено. Для пущей надежности им прочитали самодельную декларацию о том, что генерал Форрест собрал рассеянные южные армии и в решающей битве разгромил врага. Негры ничуть не усомнились в этом. Они единогласно признали, что это очень хорошо, и устроили благодарственное радение.

Фитцнорман захватил с собой сотню тысяч долларов, два чемодана с неотделанными алмазами, крупными и помельче, и отплыл в чужие края. В Россию его доставила китайская

джонка: через шесть месяцев он был уже в Санкт-Петербурге. Он снял невзрачную комнату и тут же отправился к придворному ювелиру с известием, что у него есть алмаз для государя. Он пробыл в Санкт-Петербурге две недели, спасаясь от убийц постоянными переездами, и за это время всего три-четыре раза прикоснулся к своим чемоданам.

Пообещав вернуться через год с гранеными камнями покрупнее, он был отпущен в Индию. Но еще до этого императорское казначейство перевело на четыре разных счета в американских банках пятнадцать миллионов долларов.

Он вернулся в Америку в 1868 году, пропутешествовав больше двух лет. Он побывал в столицах двадцати двух стран и имел беседы с пятью императорами, одиннадцатью королями, тремя принцами, шахом, ханом и султаном. Свое состояние Фитцнорман к этому времени исчислял в миллиард долларов. Перед его тайной сами собой возникали все новые заслоны. Как только он выпускал на свет какой-нибудь крупный бриллиант, тот через неделю обрастал легендами, полными роковых совпадений, интриг, революций и войн – такой длины, что родословную его можно было проследить до Первого Вавилонского царства.

С 1870 до 1900 года – года смерти Фитцнормана – его история писана золотыми буквами. Были, конечно, и побочные происшествия – он сбивал с толку топографов, женился на виргинской уроженке, которая родила ему единственного сына; пришлось, ввиду прискорбных осложнений, устранить брата: он, к сожалению, пил без удержу и спьяну распускал язык. Но это и немногие другие убийства не омрачили счастливых времен роста и прогресса.

Перед самой смертью Фитцнорман повел дело по-новому: оставив в резерве всего несколько миллионов долларов, он на остальные оптом закупил редкие вещества и разместил их в банковских сейфах по всему миру под видом антикварных коллекций. Сын его, Брэдок Тарлтон Вашингтон, развил ту же идею. Он обменял вещества на редчайший из всех элементов – радий – так что миллиард долларов помещался у него в сигарной коробке.

Через три года после смерти Фитцнормана его сын Брэдок решил, что дело пора закрывать. Они с отцом выкачали из горы столько денег, что подсчитать их в точности было уже невозможно. Шифрованные записи в его блокноте обозначали, сколько примерно радия хранится в каждом из тысячи банков, в которых он был вкладчиком, и на какие фамилии оформлены счета. И он сделал самое простое – запечатал свои алмазные копии.

Да, запечатал копии. Добытого хватит нескольким поколениям Вашингтонов на самую роскошную жизнь. Оставалось только беречь свою тайну: если она откроется, будет паника, и все вкладчики всего мира, с Вашингтонами во главе, станут нищими.

У такой вот семьи в гостях оказался Джон Т. Ангер. И такую вот повесть он услышал наутро по приезду в отведенной ему серебряной гостиной.

V

После завтрака Джон вышел на высокое крыльцо и стал с любопытством осматриваться. Вся долина, от алмазной горы до гранитного пика за пять миль, была подернута золотистой утренней дымкой, млевшей над мягкими луговыми склонами, над озерами и садами. Купы вязов скапливали легкую тень, и эти теневые островки были до странности непохожи на сине-зеленый сосняк по взгорьям. На глазах у Джона три олененка цепочкой выскочили из кущи в полумиле от дворца и веселой трусцой скрылись в ребристом полумраке соседнего перелеска. Если бы среди деревьев показался козлоногий сатир со свирелью или в зелени мелькнула розовая нагота светлокудрой дриады, Джон ничуть бы не удивился.

В тихом уповании на чудо он сошел по мраморным ступеням, чуть потревожив внизу дремоту двух лоснистых русских волкодавов, и доверился дорожке в синих и белых плитках, которая вела неведомо куда.

Ему было несказанно хорошо. Юность – блаженная и ущербная пора: юные не живут в настоящем, а примеряют его к своему блистательному воображаемому будущему; цветы и золото, девушки и звезды – лишь предзнаменования и предвестия этой недостижимой, несравненной юной мечты.

Джон обогнул благоуханные розовые заросли, пошел напрямиком через парк и набрел на мшистую лужайку. Ему никогда не случалось лежать на мху, он решил проверить, правду ли об этом пишут. Вдруг он увидел, что навстречу ему по траве идет девушка, самая красивая на свете.

На ней было легкое белое платье чуть ниже колен и веночек из резеды, перевитый сапфирными нитями. Ее босые розовые ножки отрясали росу с травы. Она была младше Джона – лет шестнадцати.

– Здравствуйте, – нежно позвала она. – Я – Кисмина.

Что было Джону до ее имени! Он приблизился к ней, ступая все осторожнее – не наступить бы на ее босые пальчики.

– Мы с вами еще не виделись, – сказал ее нежный голос, а синие глаза прибавили: «И как же вы много потеряли!..» – Вчера вечером вы видели мою сестру Жасмину. А я отравилась салатным листом, – продолжал голосок, а глаза говорили: «Я всегда такая прелесть – и больная и здоровая».

«Я не могу на вас налюбоваться, – высказали глаза Джона, – я и сам вижу, какая вы...»

– Добрый день, – сказал его голос. – Надеюсь, сегодня вы уже поправились. – «Вы чудесная», – досказал его трепетный взгляд.

Джон заметил, что они снова идут по дорожке. Она предложила присесть на мох, и он уже не мог понять, мягко ему или нет.

К женщинам он был придирчив. Пустяковый изъян – будь то широкая щиколотка, низкий голос или даже очки – отрезвлял его до полного безразличия. И вот впервые в жизни рядом с ним была девушка, которая, на его взгляд, воплощала истое совершенство.

– А вы из восточных штатов? – мило поинтересовалась Кисмина.

– Нет, – честно сказал Джон. – Я из Геенны.

Или это слово ей ничего не говорило, или она не знала, как бы на это помилее отозваться, но она промолчала.

– А я осенью поеду учиться на Восток, – сказала она. – Как вы думаете, мне там понравится? Я в Нью-Йорк поеду, в пансион мисс Балдж. У нее очень строго, но на уик-энды меня все равно будут отпускать домой – у нас свой дом в Нью-Йорке, – а то папа слышал, что там девушки прогуливаются парами и следят друг за другом.

– Ваш отец считает, что вы особенные, – заметил Джон.

– Мы и есть особенные, – отвечала она, и глаза ее гордо сверкнули. – Нас никогда не наказывали. Папа сказал, что нас нельзя наказывать. Однажды моя сестра Жасмина, когда была еще маленькая, столкнула его с лестницы – и он встал, захромал и пошел. А мама – вы знаете, она так поразилась, – продолжала Кисмина, – когда услышала, что вы – ну, оттуда. Она сказала, что в детстве ей говорили – ну, сами понимаете, – она родом испанка и воспитана по-старинному.

– А вы ведь здесь не все время живете? – спросил Джон, стараясь не показать, что слова Кисмины его укололи. Ему как будто подчеркнуто намекнули, что он провинциал.

– Перси, Жасмина и я проводим здесь каждое лето, только будущим летом Жасмина поедет в Ньюпорт, а потом, осенью, даже в Лондон. Ее ко двору представят.

– А знаете, – помялся Джон, – я было сперва подумал, что вы такая простая, а вы очень даже светская.

– Ой, вовсе нет! – вскрикнула она. – Ой, не дай бог. По-моему, они такие все ужасно вульгарные, правда же? Во все я не светская, ничутьючки. Еще так скажете, и я сейчас заплачу.

Она так огорчилась, что у нее губы задрожали. Джону пришлось дать задний ход.

– Ну что вы, это я просто так, просто пошутил.

– Да нет, потому что, если бы и светская, – не унималась она, – то ничего, пусть. Но ведь нет же. Я такая неопытная, совсем девочка. Ни курить не умею, ни пить и читаю одни стихи. В математике и в химии ну прямо ничего не смыслю. И одеваюсь очень-очень просто, совсем почти никак не одеваюсь. Вот уж кто не светская, так это я. По-моему, девушки должны расти как цветы и радоваться жизни.

– Я тоже так думаю, – от души согласился Джон.

Кисмина повеселела. Она улыбнулась ему, и непролитая слезинка скатилась с ее ресниц.

– Вы хороший, – доверительно прошептала она. – А вы все время будете с Перси или немножечко и со мной? Вы только представьте – я ведь совсем-совсем ничего ни про что не знаю. Даже никто в меня еще не влюблялся. Да я и вообще-то мальчиков не видела – только вот Перси. И я так бежала сюда, чтоб только с вами повидаться.

Крайне польщенный, Джон отвесил глубокий поклон, как его научили в Геенне, в танц-классе.

– А сейчас давайте пойдем, – пролепетала Кисмина. – Мне нужно в одиннадцать быть у мамы. Вы даже ни разу не попробовали меня поцеловать. А я думала, мальчики теперь все такие.

Джон горделиво расправил грудь.

– Есть и такие, – сказал он, – но я не такой. И девушки у нас в Геенне этого не позволяют. И они рядышком побрели ко дворцу.

VI

Брэддок Вашингтон предстал Джону в ярком солнечном свете. Ему было лет сорок с лишним, лицо строгое и гладкое, сам коренастый. По утрам от него пахло конюшной – холеными лошадьми. В руке он держал простую березовую трость с опаловой рукоятью. Они с Перси водили Джона по здешним владениям.

– Вон, там живут рабы. – Его трость обратилась влево, к мраморной обители, изящно-готические очертания которой вливались в горный склон. – Когда я был молод, на меня накалывал нелепейший, бредовый идеализм. И я устроил им роскошную жизнь. Странно сказать, но у них при каждой комнате была кафельная ванная.

– Вероятно, – заметил Джон, подсмеиваясь, – они ссыпали в ванны уголь. Мистер Шнитцлер-Мэрфи как-то рассказывал мне...

– До мистера Шнитцлера-Мэрфи и его рассказов лично мне нет никакого дела, – холодно прервал его Брэддок Вашингтон. – Нет, мои рабы в ванны уголь не ссыпали. Им было велено мыться с головы до ног каждый день, и они мылись. Попробовали бы не мыться – я бы их искупал в серной кислоте. Я прекратил все это по совершенно другой причине. Кое-кто из них простудился и умер. Вода для некоторых людских пород опасна – годится разве что как питье.

Джон рассмеялся было, но передумал и понятиливо кивнул. Брэддок Вашингтон был человек опасный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.